

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-5-23

УДК 101. 1:316

ПРОТИВОРЕЧИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЪЯСНЕНИЕ ОСНОВНОГО ИЗ НИХ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Вершилов С.А.

Цель статьи состоит в демонстрации совокупности противоречий военной безопасности российского государства и объяснении основного из них. Автор полагает, что военная безопасность российского государства в качестве репрезентативной практики её влиятельных субъектов объективно предназначена для накопления мобилизационных запасов. Вследствие этого обеспечивается динамика военной безопасности, хотя она и связана со всевозможными – внутренними и внешними – коллизиями. Научная новизна работы заключается в фиксации источника подобного «движения» – сочетания противоречий, обитающих в ней как диалектической системе. Они существуют, развиваются и функционируют в постоянном столкновении / взаимодействии идей военной безопасности и опасности. Утверждается, что итогом борьбы указанных противоположностей оказывается некий «скачок» в новое качество военной безопасности.

Практическое значение исследования укореняется в регистрации основного противоречия последней. В нём репрезентативная практика её полномочных субъектов оказывается формой реализации ретроспективного опыта по воспроизводству их деятельности, идеологии и поведения, направленных на устранение попыток деструктивных сил причинить ущерб российскому государству.

Ключевые слова: *военная безопасность; влиятельные субъекты; деятельность; идеология; носители полномочий; поведение; противоречия; репрезентативная практика; российское государство.*

**CONTRADICTIONS MILITARY SAFETY RUSSIAN STATE
AND INTERPRETATION OF CHIEF AMONG THEM
(SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS)**

Vershilov S.A.

The aim of this article is to demonstrate the totality of the contradictions of military safety of the Russian state and an explanation the main of them. The author believes that the military safety of the Russian state as a representative practice of her objectively influential subjects is intended for accumulation of mobilization reserves. As a consequence, the dynamics of military safety is provided, although it is associated with all kinds of – internal and external – collisions. The scientific novelty of this work lies in capturing the source of similar «movement» – a combination of the contradictions, inhabiting in it as in a dialectical system. They exist, develop and function in constant collision / interaction of the ideas of military safety and danger. It is alleged that the result of the struggle of indicated opposites is a certain «leap» to a new quality of military safety.

Practical value of the research takes roots in the registration of the main contradiction of the last. In it the representative practice of her authorized subjects appears as a form of realization of retrospective experience on reproduction of their activity, ideology and behavior; aimed to elimination of attempts to cause damage to the Russian state by the destructive forces.

Keywords: *activities; bearer of powers; behavior; contradiction; ideology; influential actors; military safety; representative practice; Russian state.*

Под военной безопасностью будем понимать такое «состояние репрезентативной практики социума, которое укореняет его качественную жизнеспособность в границах устойчивого существования, динамичного развития и эффективного реагирования на предотвращение опасностей, вооружённого насилия и урона материальным и духовным ценностям, а также те обстоятельства, что служат возникновению указанного» [2].

Поскольку любое развитие включено в пределы «диалектической спирали», постольку функционирование военной безопасности является процессом непрерывного пространственно-временного перемещения в ней, что, собственно, подтверждается и историческими событиями. Действительно: становление и развитие российского социума – это, с одной стороны,

история трагедий и катастроф, борьбы за своё самосохранение, а, с другой – эволюционного, но непреложного стремления вперёд. Применительно к исследованию – это диахрония мобилизации разнообразного качества сил и средств военной безопасности, которые в адекватном смысле слова выступают инструментом воспроизводства, стабилизации и конструирования бытия российского государства в его соразмерности с социокультурным пространством. Указанное способствует выявлению противоречий военной безопасности российского государства.

Итак, военная безопасность подчиняется действию всеобщих законов диалектики исторического развития и детерминирована определёнными противоречиями, которые необходимо выявлять и своевременно разрешать. Достижение её продуктивного качества осуществляется в условиях глобализации на этапе глубокой модернизации и реформирования всех сфер жизнедеятельности российского государства и санкционного воздействия со стороны Запада. Такая ситуация ещё больше усугубляет выбор типовой предрасположенности военной безопасности, что затрудняет процесс разрешения её противоречий, порождая множество проблем субъектно-объектного характера.

Вместе с тем следует отметить, что существуют специальные работы учёных, в частности М.Я. Сафара, посвящённые системным противоречиям культурного пространства [8, с. 82-88]. Небезынтересно изыскание Е.А. Балябкина, посвящённое противоречиям формирования духовной культуры офицера [1]. Не менее значимыми являются также труды, авторы которых рассмотрели противоречия формирования и функционирования военной безопасности Российской Федерации – В.Н. Смирнов [10], культуры безопасности – Ю.В. Фетисова [13] и культуры национальной безопасности – Вл.В. Чебан [15].

Однако в названных и других научных работах разрешаются такие вопросы, которые лишь отчасти касаются противоречивых сторон военной безопасности российского государства. Тем не менее, важно подчеркнуть, что анализ исследователями указанных противоречий, в купе с авторским – конкретизированным – определением военной безопасности, послужил отправным моментом для решения поставленной автором в статье задачи. Подход к рассмотрению всего сочетания противоположных сторон военной безопасности позволяет выделить следующие группы противоречий: а) существования; б) функционирования; в) развития. При этом, естественно, будет отражаться контекст репрезентативной – деятельностной, идеологической и этической – практики полномочных агентов военной безопасности российского государства. Представляется логичным указанные группы противоречий рассмотреть более подробно.

Первая группа противоречий военной безопасности обусловлена проблемами развития основных сфер жизнедеятельности государства. По оценке Вл.В. Чебана: «Динамика внешних и внутренних условий может выдвигать одно из них в качестве главного» [15, с. 27]. Суть противоречий существования – в диалектическом единстве прошлого и настоящего. Репрезентативная практика выступает в данном случае способом взаимодействия и формой объединения субъектов по реализации предыдущего опыта для воспроизводства ручательств военной безопасности. В то же время динамично меняющаяся социальная реальность предъявляет повышенные требования к её качественным и количественным характеристикам.

При этом противоречия указанной группы влияют на деятельность, идеологию и поведение носителей полномочий военной безопасности в основном опосредованно, через механизмы функционирования органов и институтов. Вот почему общественное воздействие на военную безопасность осуществляется преимущественно по политическим каналам, поскольку последние локализуются во властной сфере жизни государства. Это значит, что противоречия первой группы имеют политическую природу и характер. С учётом нынешней ситуации, представляется необходимым выделить следующие *противоречия существования военной безопасности государства*.

Во-первых, *противоречие между потребностями в модернизации всех сторон общественной жизни и необходимостью сохранения устойчивых и плодотворных органов и институтов, чья деятельность, идеология и этика способствуют предотвращению нанесения ущерба военной безопасности*.

Связи между такими органами и институтами безопасности являются далеко не прямыми и линейными. Так, политическая роль армии в государстве не всегда определяются уровнем его культурности, поскольку многое здесь зависит от характера правящего режима, выбора власти и отношения – легитимного / нелегитимного – к этому большинства населения страны, вообще, и людей в погонах, в частности. В то же время социальные процессы в России – позитивные и / или негативные – отражаются на репрезентативной практике субъектов военной безопасности. Важно также подчеркнуть, что на обеспечении последней сказывается влияние экономических, политических и духовных процессов, разворачивающихся в глобализирующемся мире.

Непонимание или отсутствие внимания к указанному приведёт к роковой ошибке, не укоренённой с «реальной детерминантом» хронологического существования войн и армий. Так, не в полной мере понятной является формулировка этой «причины», представленная Марти-

ном Ван Кревельдом в одной из своих работ. По мысли израильского военного исследователя, она «состоит в том, что мужчины любят воевать, а женщинам нравятся мужчины, которые готовы за них сражаться» [4, с. 329].

Следует заметить, вывод в значительной степени поверхностный (надуманный) и, очевидно, М.Ван Кревельд не может претендовать на фундаментальное осмысление репрезентативной практики полномочных носителей военной безопасности. Но, всё же, если гипотетически следовать его позиции, то российское государство, в распоряжении которого окажется такая «паноплия войны»¹ – лишённая идеологической подоплёки и этического измерения – не в состоянии будет уяснить свою уязвимость от военной опасности, а, следовательно, и сформировать на неё адекватный ответ. В такой ситуации сложно будет предотвратить нанесение ущерба интересам России, и афишированное противоречие останется неразрешённым, получив пролонгацию по дальнейшему углублению.

Органы и силы военной безопасности, формирующие и реализующие стратегию насильственных действий, свою политику о превосходстве маскируют под глобализацию как объективный процесс интеграции мирового социума. Что касается другой части человечества, то там приоритеты расставлены иначе. Не везде армия рассматривается как часть государственной структуры, а жаль. В этой связи следует согласиться с оценкой И.В. Степанова о том, что «ряд общностей (Сомали, Афганистан), которые с большим трудом можно назвать государствами, или же движений (Хамас, Правый сектор, Исламское государство – С.В.), представляя явную угрозу мировому сообществу, даже внутри себя не делают различий между мирным населением и армией» [11, с. 74]. В этой связи военная безопасность предполагает потребность в наличии у российского государства не только физического оружия, но и нефизического (например, информационного, психологического и т.п.), чтобы оградить себя во всех сферах от потенциальных опасностей.

Во-вторых, противоречие между углубляющейся нестабильностью в мире и настоящей потребностью применения политических репрезентативных – деятельностных, идеологических, этических – практик субъектов военной безопасности российского государства при разрешении конфликтов.

¹ О целесообразности использования понятия «паноплия войны» утверждает М.М. Курочко [6, с. 197-198]. В греческой античной культуре слово «panoplia» применялось для обозначения полного вооружения воина. Аналогом паноплии в этом значении в современных условиях можно считать наличие у того или иного государства совокупности средств во всех сферах, где обеспечивается военная безопасность: на суше, море, воздухе, киберпространстве и т.д.

В условиях напряжённости отношений между государствами неправомерно допускать втягивание военных структур в активную политическую жизнь, превращать их в самостоятельный субъект управления частично или полностью, поскольку попытки решить проблемы при опоре на Вооружённые Силы способствуют утрате эффективных форм жизнеустройства. Это чревато тем, что страна, как правило, вступает на гибельный для неё путь тоталитаризма и получает статус «военно-полицейского государства», понимаемого как высший тип никем и ничем неограниченной диктатуры, опирающейся на штыки. Подобный контекст предполагает утверждение защитного типа военной безопасности российского государства в маркерах деятельности; популяризацию экстерналистского – в знаках идеологии; реализацию этатистского – в этическом моменте.

Следует подчеркнуть, что для военной безопасности российского государства фактор нестабильности приобретает особое значение, так как на её внутреннее развитие накладываются динамичные процессы, происходящие в мире и регионах. За кажущейся стихийностью и неурегулированностью событий, вызывающих хаос, оказываются вполне осознанные цели и мотивы поведения, обусловленные интересами наций, народов и отдельных личностей. США не «видят» этого, проявляя стремление к единоличному доминированию в военно-политических отношениях конца начала XXI вв., зачастую даже не вуалируя свои действия. Это «расшатывает», а порой «ломает», репрезентативную – деятельностную, идеологическую и этическую – практику полномочных «агентов» военной безопасности российского государства.

Например, на первый взгляд, следует признать правомерным суждение Э. Тоффлера и Х. Тоффлера о том, что «способ создания богатств и способ ведения войны связаны неразрывно» [12, с. 105]. Данная мысль не анализируется авторами книги, а просто констатируется рядом рассуждений о связи экономики и технических средств ведения войны. Но при этом не замечается, что стремление к богатству и мировому лидерству характерно, прежде всего, для развитых западных стран, и, в первую очередь – США.

По мысли В.В. Серебрянникова, «именно это привело к тому, что западные государства, особенно входящие в НАТО, стали пренебрегать нормами международного права, применять силу и развязывать войны по своему усмотрению, не считаясь с ООН, интересами других народов и государств» [9, с. 103]. Поэтому для субъектов российского государства на их деятельностном уровне должен императивно превалировать предупредительный тип военной безопасности; на идеологическом – интерналистский образ; а на этическом – антропоцентристский лик. К сожалению, сегодня для россиян сущее в деятельностном контексте проявляется

в защитном типе военной безопасности, в идеологическом аспекте его доминантой выступает экстерналистский подход, в этической подоплёке – этатистская тенденция.

Экономические, военно-политические и идеологические интенции сами по себе являются теми скрытыми пружинами, которые раскачивают сегодня мир, регионы, отдельные страны и Россию, в частности. Всё зависит от того, насколько кто-либо предьявляет свой интерес к кому-либо. Такая ситуация ведёт к тому, что онтологическая скрепа военной безопасности с необходимостью подвергается воздействию внешних негативных «раздражителей». В этой связи государство, испытывающее серьёзные трудности внутреннего характера, неизбежно становится объектом повышенного внимания со стороны других, более успешных, сообществ.

В зависимости от условий, оно может трансформироваться в попытку решить свои проблемы за счёт ослабевшего «соперника» любыми средствами, военными или невоенными, что, собственно, и происходит в различных частях планеты: например, Ливия, Сирия, Ирак и Украина. Репрезентативная практика носителей полномочий военной безопасности российского государства также оказалась втянутой в «воронку» конфликта. Это и деятельность с использованием трибуны ООН, и информационная война за предоставление правдивого ресурса о происходящих событиях в Сирии и Украине, в том числе – военных, и адекватное поведение при урегулировании «острых» ситуаций. Для срабатывания сублимационного преобразования, важно, чтобы энергия эмоциональных влечений агентов военной безопасности России не затмила заданные цели их деятельности, поведения и мышления.

Необходимо согласиться с утверждением М.М. Курочки: «В контексте неклассической войны постмодернизм следует рассматривать как средство в руках субъекта проективности, стремящегося установить своё глобальное господство путём уничтожения самой субъектности и проектности конкурирующих социальных систем» [7, с. 57]. В такой ситуации военная безопасность российского государства находит своё проявление в случае возникновения военной опасности, выраженной «образом врага». Смыслополагание последнего актуализируется при мотивационном воздействии поведения и адресном влиянии идеологии. Следствием подобного оказывается мобилизация сил и средств на дистанцирование, что, в свою очередь, обеспечивается противоборством с противником через самосбережение.

В современных реалиях, когда ситуация в мире напряжена и нестабильна, продолжается борьба за обладание властью в глобальном масштабе – втягивание силовых структур в эти процессы губительно для военной безопасности российского государства. Представляется логичным, что важно разработать и ввести в действие чёткие правовые нормы применения силовых структур внутри страны и за рубежом. Кроме того, следует положить в основу практики

императивный принцип ненасильственного, политико-компромиссного и легитимного разрешения возникающих вооружённых конфликтов. В таком случае агрегированное превращение указанного, с большой долей вероятности, не приведёт к провалам в интересующей сфере жизнедеятельности и не проявится в наступлении новых негативных обстоятельств.

К сожалению, идеологическая подоплёка репрезентативной практики носителей полномочий военной безопасности нередко предстаёт сочетанием, в котором бытие фактов переиначивается идеальностью целей. Тем самым гарантируется, с одной стороны, устойчивость власти их толкователей, а, с другой – поражение за поражением в информационных войнах и малопродуктивное прогнозирование вооружённых конфликтов. Так, было проиграно медиа противоборство в августе 2008 г. в Южной Осетии, в определённой степени фиаско продолжилось в 2014-2015 гг. в связи с событиями на юго-востоке Украины. Согласно В.В. Путину, «западным специалистам удалось умело выдавать чёрное за белое, а белое за чёрное» [17]. Но информационная война – существенное обстоятельство идеологического уровня военной безопасности, которое, очевидно, недооценивается российским социумом, хотя, по-видимому, как раз в этом корень многих нерешённых проблем России в интересующей сфере приложения усилий.

В-третьих, противоречие между идеологией, поведением и деятельностью субъектов военной безопасности и необходимостью в создании военно-политической, экономической, социально-нравственной модели государства, которая привлекала бы к себе другие.

Разрешение данного противоречия видится в такой военной безопасности, результатом которого явилось получение продукции, не нуждающейся в особой системе защиты, так как она уже своим существованием нивелировала бы потенциальные опасности во всех её формах. Разумеется, многое зависит от современных правил международной жизни и положения внутри страны. Если в основе организации военной безопасности будет лежать соперничество, то производство «конкурентоспособной продукции» не приведёт к отрицанию динамичного характера развития всей системы.

Это в полной мере относится и к идеологии, и к поведению, и к деятельности агентов полномочий по интересующему вопросу. Ведь притягательные образцы политического устройства и социальной организации общества, духовные ценности, к которым тянутся люди, не нуждаются на стадии своего совершенства в полномасштабной системе военной безопасности. Их иммунитет к возможным трагедиям и катастрофам заложен уже в генетическом коде и закреплён в результате длительного процесса становления, развития и функционирования приемлемого уровня военной безопасности.

Например, современные модели устрашения потенциального врага построены на внушительной военной мощи, применение которой маловероятно, поскольку сама мысль о нападении на сильного противника представляется абсурдной. Между тем, в истории имели место случаи, когда действия захватчиков, в конечном счёте, заканчивались плачевно именно для него. В частности, Китай многократно был объектом военного нападения извне. Однако со временем ряд агрессоров, имея более низкий уровень культуры по сравнению с культурой этой страны, медленно и верно «окитаивались».

Словом, одним из способов организации военной безопасности российского государства является создание такой его экономической, социально-политической и нравственной модели, к которой бы тянулись другие. В полной мере это касается и Вооружённых Сил модернизирующейся России: для них сохранение собственной субъектности и проективности – не исключение из указанной установки. Очевидно прав М.Н. Шахов, утверждающий, что «Вооружённые Силы России, как и общество в целом, нуждаются в формировании <...> престижного облика на путях инновационного развития» [16, с. 117].

Анализ противоречий существования военной безопасности позволяет сделать вывод о необходимости привнесения продуктивного качества в деятельность, идеологию и поведение её субъектов. Важно, чтобы оно отвечало потребностям обеспечения социального заказа по поддержанию гарантий безопасного существования государства в реальных и прогнозируемых пространственно-временных координатах.

Значимым также является постижение и воспроизводство смыслов военной безопасности в виде идеально-ценностных целей с последующим их достижением репрезентативной практикой субъектов российского государства. В этой связи представляется обоснованным во второй группе противоречий – *противоречий функционирования военной безопасности российского государства* – выделить следующие.

Во-первых, *противоречие между устаревшими стандартами обеспечения военной безопасности и актуальной потребностью установления и регулирования всего многообразия военно-политических целей субъектов современного исторического процесса.*

Среди причин этого противоречия одной из главных необходимо признать правовой нигилизм, усиливающийся серьёзными издержками и лакунами законотворческой деятельности в интересующей сфере. Незрелость правовых основ практики военной безопасности существует не из-за отсутствия передовых научных идей, а из-за жёсткого сопротивления, которое встречается со стороны бюрократического аппарата на пути к их реализации. Длительный период времени функционирование исследуемого социального явления, по мысли Ю.И. Дерю-

гина, «происходило по пути сращивания <...> власти с элитой силовых структур <...> не только армейского истеблишмента, но и других военизированных ведомств, а также специальных служб» [3, с. 12]. При этом наблюдалось явное доминирование решения проблем безопасного положения правящего режима. Словом, в конце XX-го в. государство узурпировало право быть единоличным субъектом репрезентативной практики военной безопасности.

Во-вторых, *противоречие между необходимостью соблюдения единства интересов личности, общества, государства и позицией ключевых – военно-политических – персоналий власти в определении и реализации стратегии военной безопасности, адекватной бытию современной жизни российского социума.*

На переживаемом этапе это противоречие угрожает существенным ослаблением военной безопасности. Неспособность ряда руководителей России определить адекватную национальным условиям концепцию развития военной безопасности, по своей сути, означает воссоздание таких форм жизнедеятельности, которые рано или поздно способны привести к подрыву основ функционирования российского социума. Исторический опыт показывает, что такого рода противоречия ликвидируются в основном двумя способами: либо «сверху», за счёт корректировки курса – генерализованного вмешательства, либо «снизу», через известные формы гражданского и массового протеста – спонтанных изменений.

И, наконец, третья группа противоречий – это *противоречия развития военной безопасности российского государства.*

Одним из них выступает *противоречие между содержанием, характером и динамикой развития военной безопасности и способностью её субъектов обеспечить своевременный и адекватный ответ на всевозможные деструктивные процессы и явления с целью недопущения или минимизации причинения ущерба ценностям объекта регулирования.* Демонстрация указанного противоречия в такой формулировке обусловлена факторами как объективного, так и субъективного характера.

К объективным факторам можно отнести кардинальные изменения международной обстановки. С точки зрения опасности и её основных форм для военной безопасности государства необходимо отметить непрекращающееся стремление Запада изолировать Россию от участия в решении важных мировых проблем, навязать ей статус зависимого от иностранного влияния сообщества. Кроме того, не пропадает стремление ряда государств удовлетворить за счёт нашей страны свои амбициозные планы. Поскольку попытки внешнего управления носят пролонгированный характер, постольку это требует от мыслящих политиков, военных, учёных адекватных шагов и принципиально иных подходов к развитию международных отношений.

Среди субъективных факторов, прежде всего, необходимо выделить следующие:

- выбор и реализация рядом государств ошибочной типологической предрасположенности военной безопасности;
- гносеологические трудности, связанные с недостатком знаний соотечественниками о механизме возможных военных потрясений и их предотвращения;
- неадекватная оценка российским социумом масштаба и последствий опасных процессов;
- внутреннее состояние полномочных носителей военной безопасности, не позволяющее им в полной мере реализовать её конструктивный потенциал для достижения приемлемого уровня.

Атмосфера всеобщих разногласий накладывает отпечаток на действие «субъективного фактора» в решении жизненно важных проблем российского социума. Распространённой ошибкой ряда государственных деятелей является прямое механическое заимствование зарубежного опыта (особенно США) без проведения собственного всестороннего анализа интересующей проблемы и обстоятельств её решения. В этой связи нельзя оставить без внимания мысль В.В. Филатова о том, что «постепенная утрата этнических ценностных приоритетов неизбежно приводит к культурному распаду самого народа» [14, с. 68]. Есть чему учиться и у американцев, и у немцев, и у французов. Однако необходимо принимать во внимание тот факт, что их армии созданы, исходя из геополитического положения, внутреннего состояния государств, национально-культурных и, собственно, военных традиций. Поэтому прямое бездумное копирование, кроме ущерба, ничего не принесёт деятельности, идеологии и поведению носителей полномочий военной безопасности российского государства.

Любое единичное явление, в нашем случае военная безопасность, обязательно разрядом своих свойств скреплено с явлениями ближайшего окружения, к которому оно принадлежит. Наличие подобного отнесения военной безопасности государства к конкретному виду или роду выражается категорией «*особенное*». Анализ предложений и советов в интересующей сфере убеждает в том, что именно «*особенное*» забывается «крупными специалистами», начиная от оценки характера войн будущего и заканчивая необходимым численным составом вооружённых сил.

В частности, в упоминавшейся работе американцев Э. Тоффлера и Х. Тоффлера «Война и антивоенность...» будущее мирового сообщества усматривается в дифференциации культуры народов и государств по уровням «трёх волн»: доиндустриальной, индустриальной и сверхинду-

стриальной. В книге выдвигается положение о том, что для обществ «первой волны» исходной формой мира было «щадящее насилие», якобы, сводящее к минимуму сам факт принуждения. По суждению авторов, «щадящее насилие имело место по отношению к гражданскому населению, детям и военнопленным» [12, с. 325].

Но истории известны многие войны и другие факты вооружённого воздействия, в которых армии и иные силовые государственные формирования истребляли население побеждённых городов и значительных территорий. Следует согласиться с оценкой Б.Н. Кузика в том, что «расплачиваться за ошибки правящей элиты приходится многострадальному народу» [5, с. 7]. Именно это и происходит в настоящее время в Ливии, Сирии и на юго-востоке Украины. Отсюда вытекает ещё одно противоречие развития военной безопасности: *между сущей репрезентативной практикой носителей военной безопасности, генерирующей опасности гарантиям выживания и благополучия нации и их должной способностью и стремлением к уяснению уязвимости и формированию адекватного ответа на возникающие негативные процессы для достижения причинённой цели (предотвращения возможного ущерба).*

Рассмотренные группы противоречий помогают обнаружить *основное*, которое «движет» развитие военной безопасности. Как представляется, суть его в противоречивом единстве старого и нового. Именно в нём репрезентативные практики её субъектов предстают формой реализации всего предшествующего опыта по воспроизводству их деятельности, идеологии и поведения по предотвращению и пресечению попыток внешних и внутренних деструктивных сил нанести ущерб национальным ценностям. В данном случае речь идёт о традиции. В то же время, динамично меняющееся социокультурное пространство предъявляет более высокие требования к качественным и количественным характеристикам военной безопасности государства – это не что иное, как инновация. Представленные суждения ориентируют динамику развития военной безопасности России на внесение конструктивных изменений в существующие военные устои.

Обнаруживая себя как порознь, так и в непосредственном взаимодействии, доминируя на разных исторических отрезках времени социокультурной жизни, старое и новое занимают существенное место в продуктивном анализе военной безопасности государства и её противоречий. В этой связи актуализируется потребность, с одной стороны, диалектического отрицания «неработающих» свойств военной безопасности. С другой – усиления в ней таких целевых параметров, особенно нравственных, которые способствовали бы гарантированному исключению актов потенциального противника по осуществлению незаконного воздействия на благополучие россиян, предотвращению урона материальным и духовным ценностям государства.

Следовательно, *основное противоречие военной безопасности государства: между необходимостью сбережения объективных условий его прочного существования, динамичного развития, плодотворного функционирования и стремлением её полноправных носителей с нравственной учтивостью применить разработанную ими репрезентативную практику на причинённую цель.*

Указанное подтверждается тем, что система как международной, так и военной безопасности, созданная во второй половине XX в. и существующая ныне (ООН, НАТО, ОБСЕ), неадекватна новым опасностям, попытки же США закрепить единоличное лидерство на планете на данном этапе провалились. Нет ничего странного в том, что деструктивный потенциал в мире растёт. Механизмы же, способные регулировать новые глобальные проблемы (терроризм, «экспорт» демократии в качестве революций всевозможных расцветок, распространение ядерного оружия, увеличение количества внутри- и межгосударственных вооружённых конфликтов), пока ещё не созданы. Таковы основные противоречия военной безопасности российского государства на сложном и напряжённом этапе развития современного мира, модернизации России и предпринятых против неё западных санкций.

Таким образом, совокупность способов взаимодействия и форм объединения носителей полномочий военной безопасности в целом доказывает, что их успехи и поражения выступают, в том числе, следствием выбора ими её типовой предпочтительности. Для адекватного восприятия опасностей, выработки механизмов их преодоления и / или купирования важно сосредоточить внимание на знаниях, традициях, идеалах, которые призваны обеспечить сохранение государства. Военная безопасность выступает одним из факторов формирования и реализации внешней и внутренней политики России, проектирования и конструирования её военно-политического будущего в изменяющихся пространственно-временных координатах, поэтому актуальным становится продуктивное разрешение её противоречий.

Поскольку военная безопасности российского государства подчиняется действию всеобщих диалектических законов исторического развития и прежде всего закона единства и борьбы противоположностей, постольку исследование её противоположных сторон позволило акцентировать внимание на трёх группах противоречий: существования, функционирования и развития. Анализ указанного способствовал выявлению *основного противоречия* военной безопасности. Самое существенное в нём заключается в противоречивой общности традиции и новации.

Интерпретация автором *основного противоречия военной безопасности российского государства: между необходимостью сбережения объективных условий его прочного существо-*

вания, динамичного развития, плодотворного функционирования и стремлением её полноправных носителей с нравственной учтивостью применить разработанную ими репрезентативную практику на причинённую цель.

Список литературы

1. Балябкин Е.А. Противоречия формирования духовной культуры офицера в современной Российской армии: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – М., 2006. 20 с.
2. Вершилов С.А. Сущность и значение военной безопасности в бытии государства сквозь призму социально-философского анализа // Интернет-журнал «Мир науки». 2015. №1. [Электронный ресурс] URL:<http://mir-nauki.com/PDF/23FILSMN115.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
3. Дерюгин Ю.И. Идёт ли Россия к военно-полицейскому государству? // Информац. сб. «Безопасность» Фонда национ. и междунар. безоп. – М., 1995. № 3-4. С. 11-19.
4. Кревельд М.Ван. Трансформация войны. – М., 2005. 344 с.
5. Кузык Б.Н. Россия – 2050: стратегия инновационного прорыва / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. 2-е изд. доп. – М.: Экономика, 2005. 624 с.
6. Курочко М.М. Панолия войны: готова ли Россия к современным войнам // Гуманитарный вестник. 2014. № 2(29). С. 196-199.
7. Курочко М.М. Война и армия как средства реализации онтологий социальной проективности в условиях глобализации // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2010. № 2. Выпуск в серии № 19. С. 53-58.
8. Сафар М.Я. Системные противоречия культурного пространства, перспективы и опасности трансформаций // Перспективы и время. 2013. № 2(12). С. 82-88.
9. Серебрянников В.В. Армия: новый смысл и содержание деятельности // Военно-философский вестник. 2008. № 2. С. 100-109.
10. Смирнов В.Н. Противоречия формирования и функционирования военной безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – М., 1996. 20 с.
11. Степанов И.В. Философский аспект природы военных действий в классической немецкой военной теории XIX века // Аспирантский вестник Поволжья. Философия. Социология. Право. Политология. № 1-2. – Самара, 2010. С. 71-74.
12. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. – М., 2005. 412 с.

13. Фетисова Ю.В. Культура безопасности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Омск, 2009. 21 с.
14. Филатов В.В. Антифилософия. – Саратов, 2007. 142 с.
15. Чебан Вл.В. Культура национальной безопасности России: история и современность (социально-философский анализ). Монография. – М., 144 с.
16. Шахов М.Н. Трансформация Вооружённых Сил России в условиях социальной модернизации // Военно-философский вестник. 2008. № 2. С. 110-117.
17. Цыганок А.Д. Информационная война против России: как это было. URL: www.tsiganok.ru/publications/esmi/doc498 (обращение 12.05.2014).

Reference

1. Baljabkin E.A. Protivorechija formirovanija duhovnoj kul'tury oficera v sovremennoj Rossijskoj armii [Contradictions of formation of spiritual culture of officer in modern Russia army]: Avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. – Moscow, 2006. 20 p.
2. Vershilov S.A. Sushhnost' i znachenie voennoj bezopasnosti v bytii gosudarstva skvoz' prizmu social'no-filosofskogo analiza [Essence and importance of military safety in existence of state through in the light of social and philosophical analysis] // Internet-zhurnal «Mir nauki». 2015, no. 1. [Elektronnyj resurs] URL: <http://mir-nauki.com/PDF/23FILSMN115.pdf> (dostup svobodnyj). Zagl. s jekrana. Jaz. rus., angl.
3. Derjugin Ju.I. Idjot li Rossija k voenno-policejskomu gosudarstvu? [Does Russia go to military-police state?] // Informac. sb. «Bezopasnost'» Fonda nacion. i mezhdunar. bezop. – Moscow, 1995. № 3-4. Pp. 11-19.
4. Kregel'd M.Van. Transformacija vojny [Transformation of war]. – Moscow, 2005. 344 p.
5. Kuzyk B.N. Rossija – 2050: strategija innovacionnogo proryva [Russia – 2050: strategy of modern break-through] / B.N. Kuzyk, Ju.V. Jakovec. 2-e izd. dop. – Moscow: Economy, 2005. 624 p.
6. Kurochko M.M. Panoplja vojny: gotova li Rossija k sovremennym vojnjam [Equipment of war: be ready Russia to modern wars] // Gumanitarnyj vestnik. 2014, no 2(29). Pp. 196-199.
7. Kurochko M.M. Vojna i armija kak sredstva realizacii ontologij social'noj proektivnosti v usloviyah globalizacii [War and army as means of realization of ontology social descriptive in conditions of globalization] // Vestnik MGOU. Serija «Filosofskie nauki». 2010, no 2. Vypusk v serii № 19. Pp. 53-58.

8. Safar M.Ja. Sistemnye protivorechija kul'turnogo prostranstva: perspektivy i opasnosti transformacij [Systematic contradiction of cultural space: perspectives and dangers of transformation] // Perspektivy i vremja. 2013, no 2(12). Pp. 82-88.
9. Serebrjannikov V.V. Armija: novyj smysl i sodержanie dejatel'nosti [The new sense and matter of activity] // Voенно-философский вестник. 2008, no 2. Pp. 100-109.
10. Smirnov V.N. Protivorechija formirovaniya i funkcionirovaniya voennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Contradictions of formation and functioning of military safety Russia]: Avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. – Moscow, 1996. 20 p.
11. Stepanov I.V. Filosofskij aspekt prirody voennyh dejstvij v klassicheskoj nemeckoj voennoj teorii XIX veka [Philosophical aspect of character military actions in classical German military theory of XIX century] // Aspirantskij vestnik Povolzh'ja. Filosofija. Sociologija. Pravo. Politologija, no. 1-2. – Samara, 2010. Pp. 71-74.
12. Toffler Je., Toffler H. Vojna i antivojna. Chto takoe vojna i kak s nej borot'sja. Kak vyzhit' na rassvete XXI veka [War and Anti war. What is the war and as with her to fight. As to survive at dawn of XXI century]. – Moscow, 2005. 412 p.
13. Fetisova Ju.V. Kul'tura bezopasnosti [Culture of safety]: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. – Omsk, 2009. 21 p.
14. Filatov V.V. Antifilosofija [Antiphilosophy]. – Saratov, 2007. 142 p.
15. Cheban VI.V. Kul'tura nacional'noj bezopasnosti Rossii: istorija i sovremennost' (social'no-filosofskij analiz) [Culture of national safety: history and contemporaneity]. Monografija. – Moscow, 1996. 144 p.
16. Shahov M.N. Transformacija Vooruzhjonnyh Sil Rossii v uslovijah social'noj modernizacii [Transformation of Military Force in conditions of social modernization] // Voенно-философский вестник. 2008, no 2. Pp. 110-117.
17. Cyganok A.D. Informacionnaja vojna protiv Rossii: kak jeto bylo [Information war anti Russia: as this was]. URL: www.tsiganok.ru/publications/esmi/doc498 (accessed 12.05.2014).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Вершилов Сергей Анатольевич, доцент кафедры боевой подготовки и безопасности полётов, кандидат философских наук, доцент

Филиал Военного учебно-научного центра ВВС «ВВА» (г. Краснодар), Россия

г. Балашов, Саратовская область, 412303, Россия

vershil@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vershilov Sergey Anatolievich, Associate Professor of combat training and flight safety, PhD,
Associate Professor

Branch of the Air Force MTSC «MAA» (Krasnodar), Russia

Balashov, Saratov region, 412303, Russia

vershil@mail.ru